

МЕСТНЫЕ БОГИ

18+

МЕЛИНДА СОЛСБЕРИ

Мелинда Солсбери
Местные боги
Серия «Young adult. Забытые
боги Мелинды Солсбери»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74642071
ISBN 978-5-04-256575-5

Аннотация

Весь мир Сильвии Сингер рухнет после рейда ФБР, которые раскрыли двойную жизнь ее отца. У нее нет другого выхода, кроме как сбежать на заброшенную железнодорожную станцию в проклятом западном лесу и считать дни до выпускного, чтобы покинуть город, открыто жаждущий ее крови. Но и здесь Сильвия сталкивается с чудовищем...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мелинда Солсбери

Местные боги

Melinda Salisbury

LOCAL GODS

Copyright © Melinda Salisbury 2026

Иллюстрация на обложке *obol'*

Дизайн В. Бербек

© Ю. Разумовская, перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Несмотря на то, что думают жители Пайн-Ридж-Холлоу, Сильви Сингер не была замешана в том, что сделал ее отец. Она узнала о том, что он преступник, только когда ФБР ворвалось в ее дом за две недели до Рождества.

В последний раз, когда она видела отца, они подъезжали к старому дому. Тогда отец извинялся за то, что оставил ее одну с матерью на День благодарения. Сильви молча наблюдала, как он укладывает свой чемодан с монограммой в багажник.

– Это отстой, но работа есть работа. Ты же понимаешь, я бы не уезжал, если бы у меня был выбор. И твоя мама пообещала не посещать спа-салон. Она останется здесь, с тобой.

По мнению Сильви, это не делало ситуацию лучше.

Когда она промолчала, отец повернулся к ней лицом, и Сильви увидела свое отражение в его солнцезащитных очках: руки сложены на груди, выражение лица показывало обиду; наконец-то она была похожа на свою мать.

– Ну же, не злись. Я все исправлю, клянусь. – Отец умоляюще протянул к ней руки. – Послушай, когда я вернусь, мы сходим в «Серебряный крикет» и купим елку. Ты выберешь любое дерево, а я его срежу, выберем любой размер.

Сильви смотрела на свое отражение в зеркальных очках-авиаторах, удивленно приподняв брови и по-прежнему

скрешивая руки на груди. Ему следовало бы придумать что-нибудь получше.

– А на обратном пути мы пообедаем в кафе «Бабушкина кухня», – добавил он. – Мы проведем вместе целый день: булочки, сахарное печенье, парные свитера, Майкл Бубле¹, все, что ты захочешь. Это будет как в кино: семейное рождественское шоу Сингеров.

Затем он шагнул вперед и поцеловал Сильви в лоб, обдав холодным ароматом своего одеколона.

– Да ладно тебе, детка. Ты не получишь праздника, если будешь лучшей, даже на День благодарения. Ты же знаешь это.

– Хорошо. – Сильви, наконец, сдалась. – Но только потому, что я тысячу лет не была в «Бабушкиной кухне». И тебе лучше надеяться, что там подают лобстера-бенни². Или кленовые вафли.

Отец ухмыльнулся своей фирменной улыбкой Сингера: два ровных ряда белоснежных зубов, ямочка на левой щеке – точная копия ямочки на щеке Сильви. Бабушка как-то сказала, что они с отцом как две капли воды, но вряд ли она имела в виду что-то хорошее.

– Бери и то и другое, я угощаю. Меня не будет две недели,

¹ Майкл Стівен Бублэ – канадский певец, автор песен и музыкальный продюсер. (Здесь и далее примечание переводчика)

² «Лобстер-бенни» (Lobster Eggs Benedict) – это вариант классического завтрака: сочное мясо лобстера на хрустящей булочке, дополненное яйцами пашот и сливочным голландским соусом.

может быть три...

– Ты оставляешь меня с ней одну на три недели? Я переезжаю к Гарсиа. Сейчас же звоню Хантеру.

Отец Сильви бросил на нее резкий взгляд.

– Я знаю, что ты не всерьез, но, может, разместишь их в гостевой комнате на праздники? Это их первый День благодарения без Сандро. Возможно, им вообще не хочется праздновать.

Сильви тут же почувствовала себя ужасно виноватой.

– Верно. Конечно же, я пошутила. Я останусь с мамой.

– Выше нос, детка, скоро сезон. – Адам Сингер ухмыльнулся, садясь в машину. – Доброжелательность ко всем, угольки для плохих детей и машина, полная дорогих подарков, для самых хороших. Так что будь хорошей девочкой, Сильви, я сделаю так, что ты не пожалеешь об этом.

В следующий раз Сильви увидела лицо отца на экране телевизора в мотеле: зернистую увеличенную фотографию, сделанную летом на городском пикнике в Мемориальном парке Милл. Под ней крутилась желтая бегущая строка с просьбой позвонить на горячую линию, если кто-то заметит Адама Сингера. Сильви и не подозревала, что ее отец, помимо прочего, украл настолько много денег, что теперь его разыскивает ФБР.

Но больше всего Сильви запомнилось то, что до сих пор не дает ей покоя, особенно сейчас, – ворона.

Она появилась прямо перед началом обыска, с оперением

цвета мела и кости. Сильви сразу поняла, что птица прилетела из Западного леса, и это было странно, потому что обитатели Западного леса обычно там и оставались. Эти события оказались неразрывно связаны между собой: появление белой вороны и конец прежней жизни Сильви. Казалось, что птица нарушила неписанные правила, пытаясь предупредить Сильви о грядущих событиях. И если бы Сильви поняла это сразу, все могло бы сложиться иначе.

Был поздний вечер вторника, уже темнело, и небо было усыпано звездами. Сильви и Серра Уитли сидели в джакузи с соленой водой на заднем дворе дома Сильви в парных бикини, которые они купили летом на острове Нантакет. На Сильви было ярко-красное бикини, которое резко контрастировало с ее бледной кожей, а на Серре – синее, как майорель. У Сильви тогда еще были длинные темные волосы, которые она собрала в свободный пучок на макушке, чтобы защитить их от соленой воды, пока она убеждала подругу в необходимости их поездки на время каникул. Третий год подряд прогноз по высоте снежного покрова был неутешительным, а Сильви не хотела проводить зимние каникулы без катания на лыжах.

– Мон-Трамблан³, канун Нового года, ну же, – Сильви хлопала ресницами, глядя на свою лучшую подругу. – Представь себе. Я, ты, Хантер и все остальные в почти настоящем

³ Мон-Трамблан – город и популярный горнолыжный курорт в канадской провинции Квебек.

альпийском домике. Открытый камин. Раклет. Сауны. Мы заплетем косички, как у дюроков, и научимся йоделингу. Нет, пусть мальчишки наденут ледерхозе и йодлят для нас.

– Хантер не может поехать. Его мама хочет, чтобы он был дома и присматривал за Эсме.

– Эсме тоже могла бы поехать, – сказала Сильви. – Черт, да и миссис Гарсия могла бы. Если кому-то и нужен небольшой отдых после всего этого года, так это ей.

– Не знаю, Сильви. – Серра вздохнула, перевернулась на живот и вытянула ноги. – К тому же все уже наверняка занято.

– Мой отец нас устроит.

Сильви последовала примеру Серры, положив руки на бортики чана и позволив своему телу плыть по волнам теплых пузырьков. Последние пару недель Серра была в странном настроении: тихая и задумчивая, она отказывалась абсолютно от всех предложений. Сильви чуть ли не умоляла ее прийти сегодня вечером. Это ведь было их последнее совместное Рождество перед тем, как они все разъедутся по колледжам или займутся чем-то другим, что подготовила им жизнь. Кто знает, вернутся ли они все в Пайн-Ридж-Холлоу следующей зимой?

С этой мыслью Сильви взялась за миниатюрные ножницы для ногтей.

– Это наш последний Новый год в Пайн-Ридж-Холлоу. В это же время в следующем году все будет уже по-другому. И

мы будем другими. Первокурсниками колледжа.

Серра скорчила гримасу.

– Вот именно. Я должна копить на колледж, а не срываться в последнюю минуту на лыжную прогулку, которая обойдется в целое состояние.

– Потратить деньги с кредитной карты. Или попроси у мамы в качестве подарка на окончание школы заранее.

В ответ Серра устало вздохнула, как родитель, который в сотый раз объясняет своему бестолковому ребенку, почему нельзя есть печенье перед ужином. Сильви уже собиралась спросить, что с Серрой происходит в последнее время, но тут появилась ворона, упав с неба как снег наголову.

Ворона села на спинку шезлонга, где они оставили свои халаты и полотенца. Птица сложила крылья и повернулась к девушкам. Склонив голову набок, она разглядывала их глазами цвета засохшей крови. У Сильви возникло странное ощущение, что ворона вот-вот заговорит, но тут Серра шлепнула по воде.

– Кыш, – сказала она, стряхивая капли на птицу. – Убейся отсюда. Лети домой.

Ворона моргнула, глядя на нее, а потом спустила на шезлонг струю белого помета.

– Не обращай внимания, – Сильви изобразила равнодушие, которого на самом деле не испытывала.

Когда птица села и уставилась на нее красными глазами, внутри все сжалось.

– Это всего лишь ворона.

– Но это же не просто ворона, верно? Это ворона из Западных лесов. Они не должны залетать в город. Когда животные из Западных лесов залетают в город, случаются беды. Это значит, что грядут перемены.

Сильви уже собиралась возразить, что нельзя говорить птицам, что им можно, а что нельзя, но тут во дворе поднялся шум, появились люди в бронежилетах и с забралами на лицах. Они кричали противоречивые команды: *«Замрите! Двигайтесь! Выходите из воды! Оставайтесь на месте! Поднимите руки! Держите их опущенными!»*

В конце концов они пришли к единому мнению и заставили Сильви и Серру выйти из джакузи, поднять руки над головой и встать на колени, хотя любому дураку было ясно, что под купальниками они ничего не прячут.

Белая ворона перелетела на забор, но все равно оставалась там и продолжала наблюдать за происходящим. Агенты все время повторяли, что им повезло и сейчас не так холодно, как должно было быть. словно это какое-то благословение, которое могло утешить Сильви, пока они надевали на нее наручники и обыскивали ее дом.

– Твоя жизнь кончена, но по крайней мере из-за аномальной жары ты не умрешь от переохлаждения, пока мы держим тебя здесь без одежды.

Они все время называли ее Сильвией: *«Где твой отец, Сильвия? Если ты не скажешь нам, где он, тебе будет гораз-*

до хуже. Ты хочешь попасть в тюрьму, Сильвия? Хочешь, чтобы тебя посадили? Как думаешь, что происходит с такими, как ты, в тюрьме, Сильвия?»

Сильви до крови прикусила щеку изнутри, чтобы не закричать, что ее зовут Сильв-и, а не Сильви-я. Только то, что она стояла на коленях в насквозь промокшем купальнике, а они были в бронежилетах и с автоматами, заставляло ее молчать и не сводить взгляд с белой вороны.

Птица начала прихорашиваться, совершенно не обращая внимания на десятки вооруженных людей, которые толпились вокруг, и принялась старательно вытягивать клювом перья молочного цвета. Сильви увидела, как одно из них оторвалось и упало на землю. На кончике пера была капля крови, как будто его вырвали с корнем, но ворона, казалось, не обращала на это внимания. Она дергала каждое перышко, а потом осматривала свою работу, прежде чем перейти к следующему.

В голове у Сильви снова зазвучал голос Серры: *«Это ведь не просто ворона, правда? Когда в город приходят животные из Западного леса, случаются беды. Это значит, что грядет что-то плохое»*. Что ж, что-то действительно грянуло. Впервые с тех пор, как ее вытащили из джакузи, Сильви вздрогнула.

Агент, наблюдавшая за Сильви, небрежно держа в руках пистолет, заметила это движение и оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, на что смотрит Сильви.

– Будь я проклята. Эта ворона белоснежная, – сказала она. – Белая ворона.

– Говорят, здесь много белых животных, – авторитетно ответил ее напарник. – Наверное, дело в металлах в воде. Однажды мой двоюродный брат увидел неподалеку белого оленя, который выбежал прямо перед ним на Олд-Крик-роуд. Он решил, что это призрак, и чуть не врезался в него на машине. А в другой раз...

В этот момент Серру, которая громко рыдала, начало тошнить. Агент тут же замолчал и отошел подальше от брызг. Сильви сохраняла внешнее спокойствие. Она могла бы рассказать им о том, что, по слухам, вытворяют белые олени, и это стало бы для них кошмаром на несколько недель – как стало кошмаром для нее самой, когда она впервые об этом узнала. Но она ничего не сказала, сохраняя непроницаемое выражение лица.

Никто не говорил о животных из Западного леса – ни с чужаками, ни тем более с федеральными агентами, которые держали их под прицелом на их собственном заднем дворе.

Когда Сильви наконец разрешили встать, с ее икр посыпались мелкие кусочки декоративного кварцевого гравия. Но она не издала ни звука и даже не поблагодарила женщину-агента, которая накинула ей на плечи халат и убедилась, что он хорошо прикрывает тело.

Сильви не собиралась говорить ни слова до тех пор, пока они сами не встанут на колени и не извинятся. Она точно

знала, что все это было ошибкой, потому что ее отец, чертов принц из Пайн-Ридж-Холлоу, столп общества, не мог сделать ничего плохого. Она ждала, когда они сами в этом убедятся, чтобы дать понять, какие неприятности их ждут из-за того, что они с ней связались.

Родителям Серры разрешили забрать ее, а Сильви впустили в дом, чтобы она оделась и собрала личные вещи под присмотром женщины-агента, которая помогла ей надеть халат. Когда агент вывела ее к машине без опознавательных знаков, соседи уже стояли на своих подъездных дорожках, сбившись в кучку. Они обернулись, когда Сильви села на заднее сиденье, и только миссис Миллер, жившая через два дома от них, не сводила с нее пристального взгляда своих голубых глаз. Она злобно покачала головой, словно всегда подозревала, что Сильви ждет печальный конец. Может быть, именно поэтому она никогда не разрешала Хэйдан ходить на дни рождения Сильви, когда они были детьми. Может быть, в глубине души миссис Миллер всегда знала, что однажды ФБР с позором увезет Сильви Сингер с Норт-Мейпл-драйв.

Белая ворона перелетела на почтовый ящик Сингеров и сидела там, светясь в лунном свете. Она наблюдала, как Сильви покидает дом, в котором прожила семнадцать лет. В тот момент Сильви охватило чувство, что она больше никогда не увидит Пайн-Ридж-Холлоу.

Может быть, именно поэтому птица была там: чтобы попрощаться или убедиться, что Сильви уедет. Однако чуть

меньше чем через четыре месяца она вернулась в город. И вопреки тому, что пообещала ей мать, когда сказала, что они едут домой, все не так просто, и никто с этим не смирился.

На самом деле такое ощущение, что все в городе хотели, чтобы она умерла.

Глава 2

Хотя сейчас только вторая неделя мая, температура уже перевалила за тридцать. В школе не по сезону пахнет солнцезащитным кремом, кокосом и бергамотом, которые отчаянно пытаются перебить запах пота и кроссовок. Куда ни глянь, рукава и штанины закатаны, футболки и рубашки превращены в укороченные топы или – как в случае с Мейсоном Грином – вовсе сброшены. Преподаватели тоже махнули рукой на дресс-код. Некоторые из тех, кто еще сохранил человеческий облик, сами закатывают рукава и ослабляют воротнички. Но это не имеет значения: администрация отказывается включать кондиционеры больше чем на десять минут в час, а у всех нет сил даже на то, чтобы возбуждаться от вида мисс Уокер в V-образном вырезе.

Учебный день окончен, но Сильви ждет в туалете рядом со спортзалом, пока не стихнут последние шаги на улице. Она оттягивает футболку на спине, чтобы почувствовать дуновение ветерка. Ей хочется снять футболку, а на самом деле – содрать с себя кожу. Она представляет, как впивается ногтями в ложбинку между ключицами и сдирает с себя кожу до самого нутра. Это желание не связано с жарой. С тех пор как мать заставила ее вернуться в Пайн-Ридж-Холлоу, Сильви не дают покоя навязчивые мысли о собственном теле. На уроке обществознания она представляет, как ее груд-

ная клетка раскалывается, точно яйцо, и сердце вываливается наружу, поджариваясь на полу. На уроке мировой истории она представляет, как ее глаза закатываются, словно барабан в игровом автомате, вращаясь все быстрее и быстрее, пока не взрываются и мир не погружается во тьму. Эти короткие фантазии – отголоски странных снов, которые стали сниться ей с тех пор, как она вернулась в город. В этих снах она открывает рот, чтобы закричать, но вместо этого из ее горла вырастает побег, бутон распускается, пока цветок не обхватывает ее лицо и не душит. Это уже не так страшно. Наверное, это какое-то посттравматическое расстройство, думает она. Если бы у нее были деньги на психотерапевта, она бы точно могла это узнать.

Когда прохлада от футболки перестает освежать, Сильви бросает ее и вспоминает, почему вообще прячется в туалете: у нее закончились туалетная бумага и мыло, а денег на новые нет.

Как можно тише она поддевает булавкой, которую кто-то оставил в женской раздевалке, замок на одном из диспенсеров с туалетной бумагой. Через несколько секунд он открывается – новый личный рекорд Сильви. Она мрачно кивает, испытывая удовлетворение, прежде чем ее накрывает волна тошнотворного отвращения к самой себе. До сих пор сложно поверить, что до этого дошло. Бумага в школьной упаковке дешевая и тонкая. Когда Сильви подносит ее к свету, то видит, насколько сильно она просвечивает. Но выбирать не

приходится. Даже такая дрянная, но бесплатная бумага лучше, чем ничего, поэтому она запихивает ее в сумку, подавляя отвращение.

Вместо мыла у нее пустая бутылка из-под газировки. Сильви подставляет ее под диспенсер и одной рукой нажимает на кнопку, а другой подставляет запястье под струю холодной воды. В этот момент она старается не думать о том, что делает с ее некогда роскошными волосами это хозяйственное мыло и как она моет им и себя и посуду. Она то подставляет запястье под струю, то подставляет бутылку, пока та не наполняется. Запихивая бутылку в сумку, Сильви разглядывает граффити на стене, ни одно из которых, как ни странно, не посвящено ее семье. Это безобидные рисунки: пара сердечек, нарисованных маркером, с именем Мейсона Грина внутри. Сильви его не понимает: он, конечно, красавчик, но по ощущениям он так и не повзрослел с третьего класса и до сих пор считает, что приклеить четвертак к земле и смотреть, как люди пытаются его поднять, – это верх веселья.

Под надписью *«Ты не одна»* с семью восклицательными знаками, а также парой чертят в стиле аниме со странными глазами и бараными рогами – работа Чантри Джеймс, как догадывается Сильви. Она лезет в сумку, достает контрабандную туалетную бумагу и мыло и роется в поисках собственной ручки, хмурясь и пытаясь придумать, что бы еще добавить. *«Будь доброй»*, – пишет она в облачке над чертятами, превращая точку над буквой «и» в цветок, а затем за-

совывает ручку обратно в сумку.

Через секунду она снова достает ее и зачеркивает слова, пока весь пузырек не оказывается закрашен черным. Она не верит, что кто-то оценит иронию.

«*Умри, Сильвия Сингер*», – пишет она под надписью, трижды подчеркнув слово «умри». Они поймут. В четверть четвертого она наконец покидает спасительное укрытие в туалете. Если не заходить через главный вход, то в этой части школы уже никого не будет, кроме уборщика, но он с трех до половины четвертого смотрит «Семейную вражду» в своей подсобке, пока пополняет запасы чистящих средств. Так что у Сильвии достаточно времени, чтобы взять из шкафчика все необходимое и уйти незамеченной. Но пока она идет к шкафчику, у нее по коже бегут мурашки: в воздухе вдруг повисает напряжение. Вокруг никого нет, но Сильви чувствует, что что-то не так. В запахе солнцезащитного крема, гормонов и чистящих средств в коридоре витает опасность.

Она идет на цыпочках, заставляя себя не обращать внимания на сине-серебристые афиши Зимнего бала, которые все еще висят, хотя учебный год почти закончился. До того как Сильви лишили привилегий, она возглавляла комитет и утверждала эти афиши прошлой осенью. Сложно поверить, что их до сих пор не сняли, и каждый раз, когда Сильви их видит, у нее сводит зубы. Она осторожно пробирается мимо выцветших баннеров с символикой «Пантеры Пайн-Ридж» и плохо напечатанных напоминаний о ежегоднике, го-

товая в любой момент развернуться и убежать. Ближайший выход находится позади нее и ведет на парковку для преподавателей. Оттуда можно пересечь поле для лакросса и выйти на главную аллею. Не идеальный вариант, но лучше, чем ничего. Она обдумывает этот план, мысленно проговаривая маршрут, но, завернув за угол, видит свой шкафчик, и напряжение тут же спадает.

– Ты серьезно? – спрашивает Сильви у пустого коридора, брезгливо поджав губы. – Ты правда это сделала?

Кто-то нарисовал на дверце шкафчика гигантский половой орган красной помадой. И не просто помадой, а помадой «Пэт МакГрат Лабс оттенка Элсон 4». Когда-то это был ее фирменный цвет. Когда-то ей могло бы показаться это забавным: художник добавил много ненужных и совершенно ненаучных деталей. Но сейчас Сильви лишь закатывает глаза. На мгновение она задумывается о том, чтобы снова достать ручку и зачеркнуть все, что не так с этим рисунком, но вместо этого отрывает кусок бумаги от рулона, который только что взяла, плюет на него и пытается стереть рисунок.

– Поверить не могу, что ты потратила на это хорошую помаду, – бормочет Сильви, пока помада размазывается по синему металлу. Хотя, скорее всего, это сделал Мейсон Грин, понимает Сильви.

Несмотря на все ее усилия, это все равно выглядит как любовательское изображение мужского причинного места, поэтому она сдается и молча извиняется перед бедным уборщи-

ком, доставая то, что ей нужно, из шкафчика. Закрыв дверцу, Сильви ждет секунду, и, конечно же, та снова распаивается. По предположению Сильви, именно это и послужило причиной того, что шкафчик отдали ей, а не просто вернули ее старый. Похоже, Пайн-Ридж-Холлоу – это место, где любят мстить по мелочам.

Сильви вернулась в школу Пайн-Ридж-Холлоу в первую неделю после весенних каникул, и во вторник она обнаружила на своей спортивной форме высохший мышиный трупик, завернутый в долларовую купюру.

Неделю спустя это были три тампона, обмокнутые в коричневые чернила – боже, она надеется, что это были чернила, – и положенные на горсть четвертаков.

В прошлый понедельник она открыла свой шкафчик и обнаружила пятидолларовую купюру поверх учебника алгебры, который забыла взять домой на выходные. Купюра была мокрой, поэтому она потыкала в нее кончиком ручки и почувствовала резкий запах мочи. Они действительно потрудились над ней – это было почти лестно. Она отнесла банкноту, ручку и книжку в душевые, где выбросила книжку и ручку в мусорное ведро, а деньги трижды тщательно промыла, прежде чем смочить их дезинфицирующим средством для рук и завернуть в бумажное полотенце для просушки.

Доллар последохлоймышиигорсткучетвертаковона тоже оставила себе. Торговому автомату у кафетерия все равно, откуда берутся деньги и в каком штате они находятся,

лишь бы их можно было распознать как настоящие деньги.

Те, кто это делает, никогда не трогают ее вещи и ничего не берут. Только раз в неделю оставляют эти маленькие темные подношения, которые она принимает, жалея, что не положила их в коробку для благотворительности как своего рода искупление вины за своего отца.

Но не все так плохо. В конце концов, благотворительность начинается дома, и, видит бог, ей это нужно.

На самом деле, Сильви немного разочарована, что на этой неделе получила только кривой рисунок губной помадой. Наличные были бы кстати. По ее мнению, за такой плохой рисунок нужно заплатить как минимум десять долларов.

Наконец-то ее шкафчик заперт, и Сильви выходит из кампуса через боковую дверь, ведущую прямо на парковку. Так она избежит встречи с младшим социальным комитетом, который продает билеты на выпускной бал, а также с бывшими одноклассниками, которые, как она подозревает, соберутся у своих шкафчиков. Они наверняка будут ржать, поздравляя друг друга с тем, что додумались нарисовать на ее дверце, и ждать, когда она пройдет мимо, чтобы громко посмеяться.

Боже, подумать только, Серра поступила в Пенсильванский университет по приоритетному зачислению.

Четыре недели до окончания выпускного класса и школы, пять недель до того, как Сильви получит доступ к крошечному трастовому фонду, который ее бабушка – скрывая от матери Сильви – учредила, когда та родилась. Пять

недель до того, как она сможет навсегда убраться из этого дурацкого города. А до тех пор она справится. Пусть рисуют на ее шкафчике хоть миллион половых органов, ей все равно. Хоть целый букет. Но когда Сильви выходит на залившую солнцем улицу, то понимает, что ошибалась: испорченный шкафчик – это не то, о чем ее предупреждали. Прямо перед ней Серра Уитли и все старые друзья Сильви сгрудились вокруг капота машины Хантера Гарсии, припаркованной прямо у пролома в живой изгороди, через который Сильви нужно пройти. Они стоят к ней спиной, сосредоточенно разглядывая что-то на машине. Сильви замирает, не зная, что делать: развернуться и уйти или сделать вид, что ничего не произошло, и пройти мимо. Она уже собирается вернуться в школу, когда Серра оборачивается. Ее накрашенные губы кривятся в ухмылке, когда она замечает Сильви, и она произносит что-то, чего Сильви не слышит. Затем все они оборачиваются и смотрят на нее пустыми глазами, не шевеля губами. Сильви понимает, что прятаться от них бессмысленно. Если они хотят что-то сказать, лучше покончить с этим поскорее. Сжав зубы, она идет вперед. Сердце колотится, ноги дрожат от адреналина, который так и подталкивает ее бежать. Дойдя до машины, Сильви чувствует запах бекона и вздрагивает от неожиданности. Она оборачивается и с недоумением смотрит на три полоски бекона, шипящие на капоте. Мейсон Грин – или, точнее, тот, кто был Мейсоном Грином, – наводит на них камеру телефона, пока Сильви

не проходит мимо, а затем поворачивает камеру в ее сторону и снимает, как она идет. Сильви понимает, что он снимал, как мясо жарится на машине, чтобы показать, как на улице жарко. Сильви не сводит глаз с тротуара, пока не проходит мимо, никем не замеченная, через пролом в живой изгороди.

Она не уверена, что за шипящий звук доносится до нее – это они, бекон, или кровь шумит в ушах, – но это не важно, потому что они позади нее, и с ней все в порядке. Она справилась.

– Да пошли они, – говорит она себе под нос, но без особого энтузиазма.

Сильви может спокойно смотреть на них по одному, иногда даже когда они стоят парами. Но когда они все вместе, без единого просвета, там, где должна быть она, это ее убивает. Она не ожидала, что весь город устроит ей торжественную встречу, но думала, что друзья поймут, что она тоже стала жертвой, ведь Адам Сингер обманул ее так же, как и всех остальных. Они знали ее. По крайней мере, она так думала. Сильви ускоряет шаг, стремясь как можно дальше уйти от школы. Вдалеке виднеется гора Карригейн. Сильви идет в центр города. Большинство магазинов на Первой и Второй улицах сейчас закрыты, их витрины заляпаны или заколочены, а на дешевой фанере расклеены объявления о пропавших домашних животных и реклама мероприятий за пределами города. В других магазинах темно, если не считать потрепанных экземпляров рождественского выпуска га-

зеты «Вестник Пайн-Ридж-Холлоу», приклеенных к стеклам. Сильви не может смотреть ни на одно из этих зданий, потому что каждое из них – это шрам, оставленный в городе ее отцом.

Когда-то Пайн-Ридж-Холлоу был прекрасен, как картинка из книжки: каждую вторую весну витрины магазинов заново белили, а двери и ставни красили в брауншвейгский зеленый. Чтобы открыть магазин в городе, нужно было представить в комитет по сохранению исторического наследия под руководством миссис Миллер информацию о цели бизнеса, а также все рекламные материалы и вывески, чтобы убедиться, что это не нарушит визуальную целостность города. Когда в последний год обучения Сильви в средней школе открылась новая кофейня «Полая Земля», они повесили собственную вывеску с кричащими красными буквами. Начались петиции, два собрания и строгий бойкот со стороны всего города, пока вывеску не переделали в соответствии с остальными. Теперь витрины магазинов облупились и покрылись пятнами, дорожная разметка выцвела, а в канавах валяется мусор, потому что городской совет сократил финансирование для экономии денег.

Сильви знает, что дело не только в ее отце: три на удивление теплые зимы подряд привели к тому, что доходы от лыжников и туристов иссякли, а Пайн-Ридж-Холлоу итак всегда был маленьким аутсайдером. На самом деле он должен был превратиться в город-призрак еще много лет назад. Но он

выстоял. До появления Адама Сингера. Это был эпицентр идеального шторма из невезения и еще более неудачных решений. Может быть, из-за того, что здесь почти никто не ходит пешком, а может, из-за жары, но Сильви не встречает ни души, пока не доходит до конца главной улицы. В этот момент из магазина выходит Ивис Бойл и направляется в ее сторону.

Ивис небрит, его взгляд прикован к знакомому бумажному пакету в руке, уже испачканному потом и жиром. Он поднимает голову, замечает Сильви из-под полей своей кепки, и его взгляд на мгновение становится удивленным. Второй раз за день у Сильви внезапно сводит живот.

– Привет. Эй, Сильви Сингер, у меня для тебя кое-что есть. – Ивис резко, с присвистом, выдыхает и выплевывает в сторону Сильви густую струю слюны.

– Нет, нет, нет, – бормочет Сильви себе под нос и, развернувшись на месте, уходит так быстро, как только может, не переходя на бег.

– Эй, девочка, лучше беги! – кричит ей вслед Ивис. – Беги, пока можешь. И передай своему папочке, что я иду за ним.

Как только Сильви оказывается на Первой улице, она забывает о притворстве и срывается на бег, сворачивает в переулок и прячется за мусорным контейнером. Она сидит там, пока не начинает гореть кожа на голове, дыша ртом, чтобы не чувствовать запах протухшего мусора, и молясь о том, чтобы содержимое коричневого пакета Ивиса оказалось для него

важнее, чем ее поиски.

Когда Сильви наконец возвращается на главную улицу, она с облегчением видит, что на ней снова ни души. К тому времени, как она добирается до места, где упала слюна Ивиса, там уже сухо. В витрине универсального магазина стоят владелец, мистер Макинтош, и его сестра. Они смотрят на Сильви, когда она проходит мимо, и беззвучно произносят слова, которые она не понимает, но догадывается, что они недобрые. Не обращая на них внимания, Сильви переходит улицу и оказывается в Мемориальном парке Милл, а затем сворачивает на боковую дорожку, ведущую в Западный лес. Она останавливается, увидев у эстрады Хэйдан Миллер с мамой и тетей Рут, исполняющей обязанности мэра Пайн-Ридж-Холлоу. Все они одеты в спортивную одежду, их рыжевато-золотистые волосы собраны в аккуратные хвосты, кожа блестит. Сильви кажется, что Хэйдан вот-вот стошнит: она согнулась пополам, обхватив себя руками за талию, тетя гладит ее по спине, а мама протягивает бутылку с водой. Она напряженно смотрит на часы и притопывает ногой.

Сильви ускоряет шаг и направляется к опушке леса. Когда она оглядывается, все трое все еще там, но теперь Хэйдан стоит прямо и жадно пьет из бутылки, а ее бледные щеки покраснелись. Против воли Сильви сочувствует ей, ведь той приходится работать на такой жаре. Неужели миссис Миллер не могла позволить дочери хоть раз отдохнуть от стремления к совершенству? Но нет, прямо на глазах у Сильви миссис

Миллер забирает у дочери бутылку, разворачивается на пятках и бежит трусцой обратно в город. Через мгновение Хэйдан и ее тетя следуют за ней. Кажется, они вообще не заметили Сильви.

Когда она пересекает опушку леса и оказывается в тени деревьев, температура падает как минимум на пять градусов, и пот, покрывающий кожу Сильви, наконец начинает выполнять свою функцию. Наступает блаженное облегчение, когда тело постепенно остывает. Сильви почти благодарна лесу за это, но тут сверху доносится хлопанье крыльев и резкий крик, и она поднимает голову.

Сильви замечает белую вспышку среди ветвей, и мимолетное хорошее настроение улетучивается, когда она видит, что ворона летит в сторону старой станции.

По спине пробегает холодок, и Сильви охватывает дурное предчувствие.

Отлично. Именно то, что ей нужно. Еще одна белая ворона прилетела к ее дому.

Глава 3

Пробираясь через лес, Сильви сжимает в руке палку, которую взяла с собой в качестве оружия, и оглядывается по сторонам: влево, вправо, вперед, назад. По три секунды пристального внимания в каждую сторону, а потом идет дальше. Кроме нее, в Западный лес никто не заходит. Люди пользуются прилегающим к нему парком, но никогда не заглядывают глубже. Там нет ни пешеходных троп, ни кемпингов, ни информационных табличек, ни рек, ни мест с удивительной природной красотой. Ничто не заманит людей в Западный лес. Но люди – это не то, о чем беспокоится Сильви. Не в Западном лесу.

Она знает, что ей стоит быть благодарной за то, что местная дикая природа, вероятно, единственная причина, по которой за ней до сих пор никто не последовал. Если бы не эти странные олени и совы, она бы уже стала статистикой в программе управления данными, если бы кто-то вообще удосужился заявить о ее пропаже. Олени – это добыча, особенно такие белые, без маскировочного окраса, без возможности слиться с тенью в лесу. Добыча убегает, но олени в Западном лесу не скрываются.

Сильви пробрала дрожь, когда она наконец поняла, что в Западном лесу они не добыча.

С тех пор как Сильви поселилась в лесу, она пытается по-

нять логику, по которой был основан Пайн-Ридж-Холлоу. Что такого особенного в этом месте, что заставило основателей Миллеров приехать сюда чуть больше ста лет назад, оглядеться и решить: *«Знаете что? Вот здесь мы и поселимся. Здесь мы построим свои дома и вырастим своих детей. Здесь, где вся дикая природа необъяснимым образом окрашена в белый и пожирает наш скот и домашних животных, если мы не надеваем на них ошейники с шипами. Здесь, в неудобной дали от множества озер, гор и других природных богатств региона, которые могли бы помочь выжить местному сообществу. Здесь, в последнем месте во всем штате, куда провели электричество. Да, это место для нас»*.

Конечно, есть немалая вероятность, что все эти размышления родились из горечи, потому что когда-то Сильви была неофициальной принцессой Пайн-Ридж-Холлоу и любила это место всем сердцем.

Возможно, Миллеры и основали первое поселение, но именно семья матери Сильви превратила его в настоящий город, когда они прибыли на последнем рейсе лайнера «Умбрия» и открыли большую лесопилку. Пока она не сгорела. Кажется, все, к чему прикасается семья Сильви, рано или поздно сгорает.

Где-то слева хрустит ветка, и Сильви резко оборачивается, поднимая палку и бегая взглядом по зарослям. Она замирает, затаив дыхание.

За почти месяц, что Сильви живет в лесу, она ни разу не

видела ни оленей, ни сов, ни даже других ворон. Существа из Западного леса, как и все бледные кровожадные твари, предпочитают скрываться под покровом ночи. Но время от времени она слышит, как кто-то пытается бесшумно подобраться ближе, и замирает в ожидании.

Сильви готова ко всему, что может скрываться в кустах.

Звук снова доносится из глубины леса. Что бы это ни было, оно удаляется от нее. Сильви выдыхает, опускает посох и позволяет ему принять на себя ее вес. Она дает себе три секунды на то, чтобы отдышаться и порадоваться, что сегодня, возможно, не тот день, когда удастся узнать, может ли олень убить человека. Затем она продолжает путь, оборачиваясь через каждые несколько шагов, чтобы убедиться, что за ней никто не идет. И без того все было плохо, а тут еще...

Левая нога за что-то цепляется, и Сильви падает, сильно ударяясь о землю, еще до того, как успевает понять, что произошло. Она лежит на животе, оглушенная, и вдыхает злобное гниющих листьев, цветов и земли. Краем глаза она замечает какое-то движение и оборачивается, чтобы увидеть, как огромная многоножка уползает прочь. В замешательстве Сильви смотрит, как многоножка ползет по ее дешевому кнопочному телефону и исчезает среди опавших листьев, и только потом понимает, что молния на сумке расстегнулась и все вещи разбросаны вокруг, как обломки после взрыва.

На секунду все тело немеет, а потом начинает болеть так, что на глаза наворачиваются слезы, но у Сильви нет време-

ни плакать. Она не может оставаться здесь. Сильви уже приподнимается на локтях, когда у нее за спиной, на земле, что-то шевелится. Тогда она резко оборачивается, и у нее перехватывает дыхание.

Существо, об которое она споткнулась, не похоже на человека. Однако оно имеет человекообразную форму, но это все же нечто иное. Оно лежит обнаженное, наполовину зарывшись в землю.

Оно смотрит на нее ярко-зелеными, как медная патина, глазами с бронзовыми вкраплениями в радужке. Но глаза разные: правый выглядит нормально, по-человечески, а в левом зрачок горизонтальный, как у козы. Из висков торчат черные изогнутые рога, плотно прилегающие к голове, похожей на человеческую.

Рога и козлиный глаз.

Монстр. Прямо перед ней из-под земли появляется чудовище. Оно протягивает руку, разрушая чары. Сильви охватывает ужас, и она вскакивает на ноги. Оставив все вещи на лесной подстилке, она несется через лес со скоростью, о которой даже не подозревала: не оглядываясь, не останавливаясь, не думая ни о чем, пока наконец не видит сквозь деревья блеск балок и не натывается на развалины старой станции.

Сильви врывается внутрь, захлопывает дверь и прижимается к ней всем телом, словно это может защитить ее от чудовища, которое одним небрежным выдохом, как у страдающего астмой Большого Злого Волка, может обрушить стены.

– Мам? – зовет она. Если бы мама была здесь, Сильви бы ее уже увидела. На станции всего две обжитых комнаты: подсобка, где Сильви живет и спит, и рядом полуобустроенная уборная.

И все же Сильви снова зовет:

– Мам? Ты здесь? – Ее голос дрожит от страха. – Мамочка?

Может быть, чудовище уйдет, если она притворится, что здесь кто-то есть: разве не так нужно поступать, если кто-то преследует тебя до дома? Хотя Сильви не знает, действуют ли те же правила, когда имеешь дело с чудовищем. Будет ли его вообще волновать присутствие свидетелей?

Она вспоминает белую ворону, которая летела в сторону станции, словно предупреждая, что ее реальность вот-вот снова пойдет наперекосяк. Сейчас Сильви жалеет, что снова не послушалась ворону и не развернулась, пока была возможность. Но куда еще ей идти? Старый дом больше не принадлежит ее семье. Она не может пойти к Гарсиям или к Серре и переждать, пока все не уляжется. Это он. Это ее дом.

Сильви снова представляет себе монстра и вздрагивает. Перед ее мысленным взором возникают длинные бледные пальцы, тянущиеся к ней в отчаянном порыве. Ее пульс учащается от новой волны ужаса. Кожа монстра так натянулась на черепе, что Сильви кажется, будто она видит его зубы за потрескавшимися бескровными губами. Ключицы, ребра и локти выпирают из-под тонкой, как пергамент, плоти. Тело

чудовища такое же изможденное, как и его лицо, словно существо голодало.

Она вспоминает, как оно смотрело на нее, в его взгляде с разными зрачками читался голод. Нет, не то чтобы голод. Это был не аппетит. Скорее какой-то поиск.

Тоска.

Прошло много времени с тех пор, как кто-то смотрел на Сильви без отвращения.

Не успев одуматься, Сильви встает, отодвигает в сторону рванный кусок сетки, закрывающий окошко в двери, и выглядывает наружу. На поляне вокруг станции никого нет, хотя она понимает, что, учитывая состояние существа, ему, скорее всего, потребуется некоторое время, чтобы добраться сюда, если оно и правда идет за ней.

Она представляет, как оно тащит свое истощенное тело по грязи, и с удивлением чувствует, как ее переполняет жалость — точно так же, как раньше, когда она видела койотов, желтых и тощих, у детской площадки рядом с домом Хантера. Они избегали леса, как и все остальные существа в городе. Потом она вспоминает, как прошлой осенью самые крупные из них начали приглядываться к ней, когда она проходила мимо, и в конце концов отчаялись настолько, что задумались, не стоит ли напасть на нее.

Внезапно вся ее бравлада улетучивается, и Сильви снова опускается на пол, подтянув колени к подбородку. В ушах звенит: «*Чудовище! Чудовище! Чудовище!*» Она все еще мо-

жет чувствовать, как оно наблюдает за ней, как воздух сгущается, когда оно тянется к ней, пытаясь преодолеть разделяющее их расстояние.

Существо настолько отчаявшееся, что даже подумывает, не стоит ли напасть.

Сильви стоит, прижавшись ухом к двери, пока не понимает, что в комнате становится темнее: быстро наступает ночь. В ногах покалывает, но она, хромая, идет за ключом от двери, который висит на крючке в мини-кухне. Надо было сделать это сразу. Тугой щелчок закрывшейся двери немного успокаивает и дает ощущение, что Сильви все контролирует. Тогда она снова отодвигает сетку, чтобы выглянуть наружу.

В лесу тихо и спокойно. На поляне по-прежнему никого нет.

Сильви смотрит на железнодорожные пути, пока они не скрываются в лесу. На улице так жарко, что видно, как над металлом дрожит воздух. От недостроенного железнодорожного вокзала Пайн-Ридж-Холлоу, где Сильви и ее мама теперь живут в полуподполье, остались только ржавые балки.

Когда-то существовал план по расширению города за счет территории Западного леса, чтобы привлечь туристов, которые каждую зиму катались на лыжах в окрестных горах, а летом разбивали лагеря в парках округа. Для этого нужно было проложить железнодорожную ветку, соединить ее с магистралью Бостон и Мэн, которая проходила через Северный Конвей и вела в горы. И тогда все встало бы на свои места.

Наконец-то Пайн-Ридж-Холлоу будет связан с внешним миром не только через Олд-Крик-роуд, и у города действительно появится шанс стать чем-то большим.

Энтузиастом был Большой Джеки Кэмпбелл, прадед Сильви по материнской линии. Вопреки желанию Миллеров, он убедил городской совет в том, что у него все получится. Он был тем предпринимателем, который вложил собственные деньги в покупку земли, нанял рабочих и заложил фундамент станции.

Большой Джеки погиб от удара ковшом экскаватора. Он стал последним, кто официально погиб на стройке, забравшей жизни восемнадцати мужчин и, по сути, одной девочки, прежде чем проект свернули, оставив только недостроенную станцию, на которой сейчас стоит Сильви, и ведущие к ней рельсы.

Несмотря на то что на улице слишком жарко, Сильви задергивает импровизированные шторы, включает обе лампы и садится на раскладушку, держа в руке тупой нож. Она смотрит на дверь до тех пор, пока не начинают слезиться глаза. Половина учебников, как и почти все остальное, что у нее есть, разбросаны по лесной подстилке, и Сильви охватывает паника. Она не может позволить себе прогуливать уроки, ведь ее трастовый фонд зависит от того, получит ли она аттестат. А ей ясно дали понять, что в школу ее приняли только под давлением. Если она провалит хоть одно задание или тест – все будет кончено. Она делает все, что может, по

памяти, а когда сил уже не остается, берет в руки книгу в мягкой обложке, которую стащила из маленькой бесплатной библиотеки рядом с почтовым отделением. Каждый раз, когда снаружи раздается какой-то звук, у нее замирает сердце. Без телефона она не знает, который час. В этот момент она осознает, что даже не может позвать на помощь.

Не то чтобы Сильви было к кому за ней обратиться.

– Ты сама по себе, детка, – говорит Сильви, и ее голос звучит в тишине так громко, что она закрывает рот руками.

Она дочитывает книгу, почти сразу забывая сюжет, и решает лечь спать. Утром ей станет легче, разве не так говорят? Поспи, и все пройдет.

Но пока Сильви чистит зубы, в ее мыслях снова всплывает образ чудовища, и она понимает, что уснуть ей пока не удастся. Может быть, оно уже здесь: проползло дюйм за дюймом, минута за минутой, через весь лес, чтобы добраться до нее. Может быть, оно прямо сейчас там, за дверью, ждет, когда она выключит свет, чтобы войти и найти ее в темноте. Она представляет, как оно стоит по ту сторону двери, как его костлявая рука тянется к ручке...

Сильви выплевывает зубную пасту в раковину, полощет рот и идет к входной двери. Не глядя в глазок, она поворачивает ключ и распахивает дверь. На пороге никого нет.

С наступлением темноты температура почти не изменилась, и Сильви вытирает пот с висков, выискивая движение среди деревьев. На краю поляны что-то мелькает, и Сильви

задерживает дыхание. Но вместо чудовища из темноты появляется олень, сияющий как маяк. Сильви замирает, когда появляется еще один олень, а за ним и третий. Она смотрит, разинув рот и вцепившись в дверь, как все трое пробираются через поляну прямо к хижине, изящно переступая через железнодорожные пути. Затем они поворачиваются к ней. Это синхронное движение, словно выверенное и отрепетированное, точно они ждали в кустах, когда она появится, чтобы начать представление. Свет из хижины падает на зеркальное отражение в их глазах, и они начинают сиять рубиново-красным, когда их взгляды встречаются со взглядом Сильви. Шесть долгих мгновений все стоят неподвижно. Один олень даже застыл, так и не сделав шаг.

Они неотрывно смотрят друг на друга: девушка и бескровный олень с кроваво-красными глазами. Затем мгновение пролетает – поднятое копыто касается земли, и олени продолжают свой путь мимо ее хижины. Сильви смотрит, как они скрываются среди деревьев; белые шкуры светятся, пока лес не поглощает их окончательно. Затем Сильви приседает на крыльцо, едва держась на дрожащих ногах.

– Где ты? – шепчет она.

Как ни странно, ей хочется, чтобы чудовище пришло. По крайней мере, если оно придет, ожидание закончится. Именно ожидание неизбежного и убивает ее.

Сильви молит о том, чтобы чудовище появилось, – все ее мысли сосредоточились на том, чтобы оно пришло.

– Где ты? – повторяет она громче. – Выходи. Пожалуйста.

Ничего не получается. Сильви уже сыта по горло этими насекомыми, вьющимися вокруг нее, и криками в пустоту, на которые никто не отвечает. Так что она возвращается в дом, запирает дверь, ложится на раскладушку и пытается уснуть, положив нож для масла под подушку.

Проснувшись, она понимает, что лес ответил на ее зов. Лес пришел в дом.

Глава 4

Сильви протирает глаза и смотрит сквозь полумрак комнаты на то, что появляется из стены напротив.

Предметы размером и формой напоминают обеденные тарелки. Целая стопка таких тарелок стоит у двери, и в тусклом свете они кажутся темными. По крайней мере, они не двигаются. Она выжидает еще пару минут, чтобы убедиться, что это не галлюцинация, а затем вытаскивает ноги из-под скомканной простыни и подходит ближе. Присмотревшись, она осознает, что это грибы, растущие из дверного косяка. Сильви открывает дверь, чтобы рассмотреть их получше, и в комнату врывается теплый ветер, вытесняя затхлый ночной воздух. Грибы золотисто-коричневые сверху и бледные снизу, дискообразные и на вид губчатые. Интересно, съедобные ли они?

Сильви проводит пальцем по одному из волнистых краев. – Ой! – ахает она, когда грибы крошатся от ее прикосновения. Через несколько секунд они превращаются в пыль, которая кружится вокруг ее босых ног, переливаясь на свету, и это почему-то навевает на Сильви воспоминания о ее снах.

Во сне она чувствовала под босыми ногами гниющие листья, которые рассыпались, как грибы на стене. Только вместо пыли они превращались в слизь, из-за чего Сильви спотыкалась и падала в темном бескрайнем лесу. По ее лодыж-

кам ползали мокрицы и многоножки. В реальном мире у Сильви по коже бегут мурашки, как будто все это происходит прямо сейчас, и она смотрит вниз, с облегчением убеждаясь, что ее босые ноги чисты. Во сне на ней была старомодная белая ночная рубашка, которая волочилась по грязной земле, пропитываясь сыростью. На подоле росли биолюминесцентные грибы, совсем не похожие на те, что были на стене.

Она вспоминает, как вдыхала запах леса, сладковатый и тошнотворный, с примесью гниения, и как этот запах обволакивал ее горло, словно кислое молоко. Во сне она глотала его, давясь при каждом вдохе, а потом возвращалась за добавкой, впитывая его, чувствуя, как из кустов за ней наблюдают два ядовито-зеленых глаза, один из которых нечеловеческий. Длинный палец манил ее ближе, запутывался в ее волосах и скользил сломанным ногтем по щеке.

Она помнит вкус земли, когда этот же палец проник ей в рот, придавив язык так, что она не могла говорить. Во сне Сильви впилась в него зубами, пока вкус земли не заглушила кровь, а потом высосала всю кровь досуха.

Сильви вздрагивает, вспоминая низкий мелодичный голос у своего уха, говоривший на непонятном языке, но она все равно согласилась: *«Да, я сделаю это. Я сделаю».*

В последнем сне Сильви оказалась у своего старого дома. Она открыла входную дверь и очутилась в лесу: колонны в фойе сменились стволами деревьев, а перила – лианами. Она

поднялась по лестнице в свою спальню, где ее ждала высокая и стройная фигура с темными рогами на голове. Она раскрыла объятия, и Сильви подбежала и прыгнула к ней, обхватив ее ногами за талию и руками за шею.

Когда существо отнесло ее на кровать, она широко раскинула руки и ноги, выгнула спину и запрокинула голову. А потом ее кожа превратилась в кору. Сильви попыталась закричать, но рот наполнился сосновым соком, который стекал по губам прямо на подушки. Но чудовище все равно поцеловало ее, жадно вцепившись в ее плоть, которая твердела и деформировалась, превращаясь в лес. Чудовище целовало и запускало лес внутрь нее.

Внезапно Сильви почувствовала этот запах. Он исходил из каждой клетки ее тела, как будто лес действительно проник в нее, и теперь она источала его аромат с потом. Запах был повсюду, и Сильви, зажав нос, захлопнула дверь и, спотыкаясь, пошла по грибной пыли в ванную.

В ту первую ночь, когда они с мамой приехали на станцию, мама на пару часов куда-то ушла, а потом вернулась с раскладушкой, упаковкой туалетной бумаги, несколькими пачками дешевого рамена, большим пластиковым тазом и кувшином. После снова ушла, пообещав скоро вернуться. Сильви разделась и встала в таз рядом с одной из раковин, налила в кувшин холодной воды и вскрикнула, когда стала мыться. Вода была очень холодной, но терпеть ее было все же лучше, чем вонь, и, по крайней мере, погода позволяла это.

Отмываясь от воспоминаний о снах, Сильви вдруг заметила, что с ее кожи в таз падают какие-то наросты, но потом поняла, что это просто спутанные волосы – черные, а не зеленые; ее волосы, а не чьи-то еще. Она вынула их, испытывая отвращение, и выбросила в другую раковину. Ее кожа – это просто кожа, покрывшаяся мурашками от холодной воды и покрасневшая, когда Сильви ущипнула себя. Она все та же.

– Это были просто сны, – говорит она себе, смывая мыло, и эта ложь эхом отдается в кафеле. – Это все не по-настоящему.

Но ее слова звучат неубедительно даже для самой себя. Ведь она-то знает, что сны связаны с тем неоспоримым фактом, что в лесу есть вполне реальный монстр, и при свете дня Сильви совсем не хочется снова с ним встретиться.

Проблема в том, что у нее нет другого выбора, кроме как идти в лес: будь там чудовище или нет, будут ли ей сниться подобные сны или нет, будет ли она охотиться на оленей или нет. Ее телефон, кошелек, украденная туалетная бумага – все это валяется в лесу. Если она не пойдет и не заберет их, если не пойдет в школу и не получит аттестат, то с тем же успехом может превратиться в дерево – или пусть ее заберет лес, или что там еще она себе навоображала. Она получит свой трастовый фонд только в том случае, если окончит школу, чего не смогла сделать ее мать, и именно поэтому бабушка Сильви поставила такое условие. А без трастового фонда у нее действительно ничего нет. Ни будущего. Ни на-

дежды. Ни выбора, кроме как остаться здесь.

Так что ей нужно либо взять себя в руки и разобраться с тем, что там, в лесу, либо умереть в Западном лесу, как ее прадед. Третьего не дано.

– Четыре недели, – говорит она, обращаясь к комнате. – Нет. Три недели и шесть дней. А потом я уеду.

Другие бабушка и дедушка Сильви, родители ее отца, живут в Спунере, штат Висконсин. Сильви никогда с ними не встречалась – отец не общался с ними с тех пор, как уехал из штата Барсуков, – но она нашла их в интернете. Судя по всему, они хорошие люди. Может быть, они обрадуются внучке больше, чем мать ее матери. А если нет, то в Висконсине хорошо и достаточно далеко от Пайн-Ридж-Холлоу. Она сможет найти работу на сыроварне или где-нибудь еще.

Стиснув зубы, Сильви приводит себя в порядок: пальцами укладывает влажные волосы, чтобы они выглядели более-менее прилично, и, балансируя на подоконнике с зеркальцем в руке, подводит глаза. С макияжем она чувствует себя лучше. Смелее.

– Это всего лишь сны, – напоминает она себе, хватаясь за живот. – Видишь? Из плоти. А чудовище, скорее всего, давно убралось восвояси. Как говорится, оно боится меня больше.

Джинсы, которые она надевала вчера, испачкались, поэтому Сильви достает другую пару и тут же стягивает их с себя: в джинсах слишком жарко. Вместо этого она роется в вещах

матери, все еще сложенных в чемодане. Констанс Сингер, типичная представительница нулевых, ужасно недовольна своей фигурой и носит только черное – не лучший вариант в такую жару, но черная хлопковая юбка все же в миллион раз лучше джинсов. Сильви надевает юбку с черной футболкой, которую носит сама, носки и зимние ботинки – единственную обувь, которая у нее есть. Она уходит, не успев передумать, берет из-под подушки нож для масла, запирает за собой дверь станции и прячет ключ на дверном косяке.

Сильви идет вдоль железнодорожных путей, держась между рельсами, как сказочная девочка, идущая по тропинке, пока рельсы не заканчиваются и не начинается лес. Деревья смыкаются вокруг нее, и станция исчезает из виду. Сильви охватывает чувство, что за ней кто-то наблюдает. Каждый шаг, который она делает прочь от станции, кажется ей ловушкой, а нож скользит во влажной от пота руке.

«Глупо, глупо, глупо», – твердит она себе, осторожно ступая по тропинке. Глупо было приходить сюда, глупо было испытывать на прочность и без того скудную удачу. Глупо было вообще возвращаться в Пайн-Ридж-Холлоу.

Сквозь кроны деревьев пробиваются лучи солнца. Один из них освещает небольшой кустарник, листья которого под его светом становятся ярко-золотистыми, – библейский горящий куст, который никто не увидит. Другой луч падает на блестящий голубой камень. Он напоминает ей о свечении биолюминесцентных грибов из ее снов, и Сильви вздрагива-

ет, как будто кто-то прошел по ее могиле. В третьем луче она видит выбеленный солнцем череп, который издалека кажется пугающе похожим на человеческий. Он лежит на клочке мха, а из глазниц прорастают два фиолетовых цветка.

Сильви добирается до того места, где она упала, а ее кожа все еще покалывает от напряжения. Она замирает, крепче сжимая нож, и пытается понять, что видит.

Чудовища нигде не видно, но все ее вещи аккуратно сложены на пне: книги разложены по размеру – от большей к меньшей, а под ними лежит сумка. Подойдя ближе, держа нож наготове на случай засады, Сильви видит, что ее пенал наполнен рассыпавшейся вчера канцелярией и стоит рядом с книгами, а рядом с ним – дешевый мобильный телефон, кошелек и упаковка тампонов. Даже рулон туалетной бумаги лежит на месте, очищенный от листьев и грязи, чтобы она могла его забрать. Почти все на своем месте, разложено так, чтобы ей было удобно.

Сильви кажется, что эта аккуратность вызывает у нее чувство вины. Не хватает только палки для защиты, и это тоже кажется странным, как будто чудовище – или кто бы это ни был – пытается сказать, что защищаться ей не нужно.

Странно представлять, как его тощие пальцы прикасаются к ее вещам, и она краснеет, когда думает о том, как он берет тампоны и кладет их рядом с телефоном, словно зная, для чего они нужны.

Затем она замечает еще кое-что, лежащее поверх короб-

ки, почти незаметное на фоне надписи. Цветок с длинным желобчатым стеблем, расходящимся в форме звезды, с крупными тычинками в центре. Она вспоминает, как кто-то – может быть, ее бабушка, хотя вряд ли, – показывал ей, как высасывать нектар из цветков жимолости. Не успев одуматься, она подносит цветок ко рту и втягивает нектар, который стекает ей на язык.

Сильви сглатывает, ощущая сладость и что-то землистое под ней. А затем она резко оборачивается, заметив движение в кустах справа, и тычет ножом в заросли.

– Эй! – зовет Сильви, и ее пульс бьется, как у пойманной в ловушку птицы. – Кто там? Выходи!

Она чуть не добавляет: «*Я не причиню тебе вреда*», но если существо попытается напасть, она сделает все возможное, чтобы ранить его, как бы аккуратно оно ни складывало ее вещи. Нож дрожит в руке.

Сильви теряет самообладание и одной рукой запихивает все обратно в сумку, в том числе и цветок, при этом постоянно оборачиваясь и держа нож наготове, чтобы никто не подкрался к ней. Как только сумка собрана, Сильви убегает. Нож она оставляет в дупле болиголова, под которым стояла, не желая идти в школу с оружием – даже с тупым ножом для масла. Затем она оборачивается и бросает последний взгляд на лес. Но если кто-то и наблюдает за ней, то остается незамеченным.

Утро тянется медленно, из-за погоды все вялые и рассеянные. Дважды за урок истории мистер Монтез прерывает свою речь на полуслове, устремив взгляд в пустоту, пока его не возвращает в реальность смех учеников. На уроке биологии мисс Линк велит классу спокойно готовиться к контрольной, а сама весь урок потягивает через соломинку энергетический напиток, пристально глядя на термометр, висящий за окном. И когда маленькая красная полоска продолжает ползти вверх, она качает головой. В общем, утро не самое худшее.

Пока Сильви не приходит на урок литературы.

Когда она вернулась в школу, там было много свободных мест, оставленных теми, чьи семьи уже уехали из города, так что Сильви могла выбирать. Она начала сидеть в первом ряду, на месте, которое обычно никому не было нужно. Из-за учений на случай вооруженного нападения все старались держаться как можно дальше от двери. Сегодня там сидит Серра, а остальные расположились вокруг нее вдоль внутренней стены и в передней части класса. Сильви понимает, почему они пересели: оставшиеся места находятся под окнами, и никто не хочет провести следующие пятьдесят минут под палящим солнцем, если можно этого избежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.